

Нина Эмельдеш

Призрак сберкассы № 53 по улице Базарной, бывшей Кирова

1

Сколько лет назад Раиса Захаровна пришла работать в сберкассу № 53, она сама не помнила. Поэтому решение профкома в торжественной обстановке отметить на предприятии пятидесятипятилетие ее рабочей деятельности, застало Раису Захаровну врасплох и привело в крайнее смущение. Она не знала, гордиться ей такой внушительной датой, или же стыдиться ее. Честно сказать, Раиса Захаровна как ни рылась в своей памяти, не могла вспомнить ни одного подобного юбилея среди своих знакомых или сослуживцев. Эта дата неприятно напомнила ей о возрасте, и она решила, что со стороны руководства было не совсем деликатно намекать ей об этом. Она бы не пришла на собственное торжество, сославшись на какую-нибудь причину, но для этого ей бы пришлось пропустить рабочий день, а этого она позволить себе не могла. Раиса Захаровна была чрезвычайно щепетильна в вопросах дисциплины и порядка и считала, что все беды на земле происходят от человеческой необязательности и халатности. Она, например, всегда очень неодобрительно относилась к тому, что некоторые сотрудники позволяли себе часто злоупотреблять снисходительностью заведующего сберкассой Льва Борисовича и часто отпрашивались с работы по совершенно незначительным, по мнению Раисы Захаровны, причинам. Особенно это касалось Олечки и Зюечки, молоденьких хохотушек, у которых в голове было все что угодно, кроме работы. Сама она только единожды воспользовалась больничным, когда у нее случился острый приступ аппендицита, и после операции ей пришлось несколько дней проваляться в постели.

В конечном итоге, поразмыслив и так и этак, промучившись несколько дней в поисках правильного решения, Раиса Захаров-

на решила смириться со своим юбилеем. Собственно, ее мнения никто и не спрашивал, поскольку никто не догадывался о терзавших ее сомнениях.

Администрация сберкассы № 53 гордилась Раисой Захаровной, как гордятся музеи редким экспонатом, и считала ее своей достопримечательностью, доказывающей лишний раз исключительность их сберкассы среди других прочих сберкасс Одессы. Поэтому отметить ее юбилей было для сберкассы № 53 делом чести. Сами по себе ее восемьдесят лет были не бог знает каким возрастом. Люди доживают и до гораздо более преклонных лет. Но к этому времени они либо уже давно сидят у себя дома, коротая время у телевизора, либо дежурят на скамеечке напротив подъезда, тоскливо наблюдая за прохожими, в надежде хоть чуть-чуть, хоть краешком приобщиться к бурлящей вокруг них и недоступной теперь жизни. Матери Льва Борисовича, например, было хорошо за восемьдесят, но она уже давно, как бы помягче сказать, не отличалась ни трезвым умом, ни здоровой памятью. Своего сына она считала своим отцом, и каждый раз по-детски радовалась его возвращению с работы.

– Людочка, – обращалась она к умершей двадцать лет назад сестре, – наш папочка пришел!

– Папочка, а где мама? – задавала она ежедневно один и тот же вопрос Льву Борисовичу, и тот с тоскливой обреченностью каждый раз повторял один и тот же ответ:

– Мама ушла в булочную, скоро будет.

Мать Льва Борисовича радостно хлопала в ладоши и шла к пианино разучивать гаммы.

Раиса Захаровна же являла собой совсем иной случай. Каждый день на маленьких крепеньких каблучках, в аккуратных капроновых чулочках (которые она надевала, заметьте, в любую погоду и в любое время года), Раиса Захаровна – топ-топ, шлеп-шлеп – семенила вдоль улицы Пушкинской, затем поднималась по улице Кирова, бывшей и будущей Базарной, помня преодолеваемый ею ежедневно маршрут вплоть до сантиметра, и цепко держала в памяти каждую квитанцию, которую выписывала на работе, – все, до последней циферки, ориентируясь в ворохе ежедневных бумаг лучше, чем хозяйка на своей кухне.

– Олечка, – строго обращалась она к молодой коллеге, – вы опять пропустили последнюю строчку в общей ведомости. Надо быть более внимательной.

Олечка недовольно косилась в сторону фыркающей Зиночки и терпеливо отвечала:

– Хорошо, Раиса Захаровна, я исправлю.

– А вы, Зиночка, – тут же переключалась Раиса Захаровна, – вместо того чтобы хихикать целый день по поводу и без повода, лучше бы следили за сводными данными по горячей воде, из-за вас у нас баланс не выходит, – недовольным тоном выговаривала она смущенной Зиночке, а Олечка у нее за спиной мстительно корчила подружке забавные рожицы.

Глядя на веселых и жизнерадостных Зиночку и Олечку, Раиса Захаровна вовсе не испытывала по отношению к ним ни малейшего чувства зависти.

– Ну и что, что молодые? Ну и что, что веселые? В их возрасте это положено, – философски рассуждала она. И она тоже когда-то была и молодой и веселой, что с того? Всеу свое время.

И комплекса неполноценности при виде молодых и не очень мужчин, собирающихся после окончания рабочего дня на ступеньках сберкассы в ожидании своих подруг и жен, у нее тоже не было. Она приветливо кивала им головой и снисходительно улыбалась. Тот факт, что она сама никогда не была замужем, вовсе не смущал ее. О! Она хорошо знала цену любви, ведь в ее жизни тоже была романтическая история, которая хотя и не закончилась бракосочетанием, но оставила, тем не менее, достаточный опыт пережитых любовных чувств и разочарований, делающих ее жизнь полноценной и состоявшейся. Была она тогда вполне миловидной девушкой, не лучше, но и не хуже многих других, с живыми цепкими глазками, острым носиком и маленькими кудряшками, освежающими ее бледное, усеянное веснушками личико. Иногда на нее заглядывались мужчины, некоторые даже пытались знакомиться. Ей это льстило, но всегда приводило в крайнее смущение, поскольку она не знала ни как себя с ними вести, ни о чем разговаривать. Кроме того, она была достаточно строгих нравов для современной девушки, а это, как известно, мало способствует более тесному сближению. Поэтому дальше легкого знакомства дело не шло.

Но пришел ее час, и судьба свела ее с молоденьким Москвичом, таким же неопытным и наивным, как она сама. Они были совершенно очарованы друг другом и влюбились так, как влюбляются только в ранней юности: безоглядно, стремительно и доверчиво. Любовь их продолжалась несколько дней, в течение которых они не могли друг на друга надышаться. Впрочем, дальше поцелуев и детских объятий дело не пошло, у них была даже единодушно принята договоренность, что «этим» они будут заниматься только тогда, когда поженятся. Но им, чистым и невинным, и этого было достаточно. Потом Москвич уехал, и наступил период страстных писем с уверениями неземной любви и вечной верности.

«Бледные москвички, – доверительно жаловался любимый тоном многоопытного мужчины, знающего толк в женщинах, – не вызывают у меня ровным счетом никаких эмоций», – и сердце Раисы Захаровны трепетало от гордости, когда она читала эти строчки. Постепенно их эпистолярная страсть достигла такого накала, что необходимо было найти ей выход, и Раиса Захаровна засобиралась в Москву. Она дождалась, когда в их кредитно-экономическом институте начались каникулы и, заверив родителей, что для написания дипломной работы ей просто необходимо поработать несколько дней во Всесоюзной библиотеке имени Ленина, села на поезд Одесса – Москва и отправилась навстречу судьбе, проявив не свойственное ее характеру легкомыслие и даже авантюризм, который был ей чужд в принципе.

Москвич встречал ее на Казанском вокзале с букетиком сухих цветов и красным от насморка носом. На гербарий и на мокрый нос обратило внимание только ее подсознание, злорадно спрятавшее до поры до времени этот факт в своем архиве. А сердце... сердце сразу же нашло оправдание: «Бедненький, совсем больной, а все-таки приехал ее встретить, и цветы какие-никакие купил, а ведь у него такая маленькая стипендия!».

Поезд пришел вечером, и наступившие сумерки, отодвинув реальность безучастного холодного города, сочувственно скрыли возникшие вдруг между ними неловкость и отчуждение, вернув их на время в атмосферу общего прошлого с южными воспоминаниями, запахом акаций и образом плавающей луны в густом рассоле ласкового моря. Они расстались перед домом ее школьной подру-

ги, которая несколько лет назад переехала со своими родителями в Москву, и договорились утром пойти вместе в Третьяковку.

Наступившее московское равнодушное утро безжалостно расставило все точки над «і», оголив неприглядную правду и вызвав этим бурю смятения в чистой душе Раисы Захаровны: Москвич был ей совершенно чужим человеком и, что самое ужасное, совсем, ну просто абсолютно совсем ей не нравился. Они бродили по залам Третьяковской галереи, он – разглядывая картины, она – разглядывая его, в тщетной надежде увидеть хоть что-то общее с тем мальчиком, которого она так безоглядно, так искренне любила. А вслед им с тоскливой усмешкой глазами Праховой смотрел все познавший и все отвергший врубелевский «Демон». Через два дня, когда они торопливо, пряча друг от друга глаза, прощались на вокзале, последний поцелуй вдруг неожиданно сблизил их, развеяв ощущение бессмысленности ее приезда и досады на себя, так легко увлекшуюся иллюзией. Исчезнув, как неприятный сон, эти чувства все же осели в памяти сердца, оставив там неприятный налет легкой горечи.

Забравшись на верхнюю полку и отделившись таким образом от внешнего мира, мешавшего ей мечтать о любимом, Раиса Захаровна под аккомпанемент жизнеутверждающе стучащих по рельсам колес радовалась тому, что уже не испытывает мучающих ее сомнений в своей любви. Да и как оно могло быть иначе? Ведь они любили друг друга там, в Одессе, а разве любовь может исчезнуть? Это ведь не ангина, не насморк.

– Любовь либо есть, либо ее нет. Если она была, значит, это на всю жизнь, – решила за все человечество Раиса Захаровна, и на сердце у нее сразу стало легко, спокойно и радостно. И опять пошли полетели письма: Одесса – Москва, Москва – Одесса... К следующему лету письма стали приходиться все реже и реже, но Раиса Захаровна старалась не замечать этого и, нарушая очередность их переписки, отсылала любимому следующее письмо, не получив ответа на предыдущее. К концу лета, когда делать вид, что ничего не происходит, было уже нельзя, Москвич неожиданно приехал в Одессу со своими друзьями, и при первой же встрече ошаршил ее циничным откровением: в Москве у него появилась девушка. Раиса Захаровна, тем не менее, заверил он, все еще занимает определенное место

в его сердце, и хотя «там» у него все очень серьезно, он еще не сделал окончательного выбора, и получается, что шанс у нее есть.

И поскольку в Одессе они проездом, шанс нужно выиграть как можно быстрее, а если точнее, то сегодня.

Друзья Москвича расположились на ночлег в палаточном городке под Одессой, и когда Раиса Захаровна увидела расположенные рядом две палатки, одну – для друзей Москвича, другую – для них, то поняла, что шанс нужно будет выигрывать именно там, во второй палатке, и совершенно растерялась таким стремительным ходом событий.

Всегда решительная, рассудительная, она первый раз в жизни не знала что делать: оскорбиться и послать Москвича куда подальше (а в пользу такого решения склонялся уже не только ее рассудок, но и сердце), или же все-таки остаться и испить свою чашу до конца?

Раиса Захаровна подумала, что если она сейчас отступит, то, быть может, до конца жизни будет сожалеть о том, что струсила и упустила свое счастье. А вдруг эта встреча действительно решающая? И от нее чудесным образом начнет отсчет совершенно новая, счастливая и радостная жизнь? И Раиса Захаровна решила: пусть все идет, как идет, и положились на случай. Или судьбу? В палатке было тесно и душно, а все происходящее вызывало у нее острое чувство отторжения: и ухмыляющиеся лица друзей Москвича, провожающих их в палатку, и суетливые движения самого Москвича, пытающегося стащить с нее одежду, одновременно торопливо заверяя Раису Захаровну в том, что оставаться девушкой в ее двадцать два года до неприличия ужасно старомодно, и, наконец, полное отсутствие какой-либо романтики в этом новом периоде их отношений.

2

«Так вот какая она, любовь!» – с горечью подумала Раиса Захаровна и решительно вылезла из палатки. Мысль о том, что любовь может быть другой, что это всего лишь единичный случай, даже не пришла ей в голову.

– Любви нет, – авторитетно вещала она на коммунальной кухне, уютно устроившись между посудным шкафом и ржавой раковиной,

своей подруге Софочке, которая хотя и была старше ее на три года, не имела однако такого опыта в личной жизни, как Раиса Захаровна.

– Увлечение – да, есть. Желание любви есть, – перечисляла она, – да и как им не быть, если и книги, и фильмы только о любви и говорят? Но на самом деле любовь – это миф, о котором все знают, но никто не видел. Рано или поздно все проходит, и на сердце остаются разочарование и пустота. Зачем же несколько раз наступать на те же самые грабли?

– Ну, не знаю.... Выходят же другие замуж и живут со своими мужьями до старости в любви и согласии, – вяло возражала Софочка.

И хотя такие рассуждения ей вполне импонировали, поскольку оправдывали отсутствие рядом с ней претендентов на ее руку и сердце, но ей все же хотелось, тем не менее, услышать более убедительные аргументы в пользу своей нескладывающейся жизни.

– Да как же! – насмешливо перебивала подругу Раиса Захаровна. – Или всю жизнь притворяются перед другими и перед собой, изображая любящую парочку, или честно разбегаются в разные стороны. Много ты видела счастливых браков? То-то, – назидательно добавляла она, продолжая развивать свою теорию, которая от ее веских доводов обрастала плотью и кровью и переходила в абсолют общечеловеческого масштаба. – Люди боятся одиночества, вот и цепляются друг за друга, – продолжала рассуждать она. – Но те, которые понимают, что к чему, – многозначительно стучала она себя по худой грудке, – на эту удочку не ловятся, нет! Их не обманешь!

И никогда, ни одного разочка не усомнилась Раиса Захаровна в своем кредо. И никогда не пожалела о том, что осталась одна.

А чего жалеть? Раиса Захаровна была вполне довольна своей жизнью. После окончания института ее направили на работу в сберкасса № 53 по улице Кирова, и это вызвало зависть всего ее курса, так как эта сберкасса считалась самой большой в городе, и только Раиса Захаровна, одна среди выпускников, получила туда распределение.

Справедливости ради следует заметить, что Раиса Захаровна никогда на самом деле звезд с неба не хватала и успеха всегда добивалась исключительно благодаря своему трудолюбию и прилежанию, но ведь это именно те качества, на которых и строится хо-

рошая карьера. Много видели вы гениев среди директоров заводов, секретарей партийных организаций или банковских служащих? А Раиса Захаровна хоть не бог знает какую, но все же сделала вполне приличную карьеру. Должность старшего кассира в самой большой сберкассе города – это вам не что-нибудь, это еще надо уметь дослужиться. А Раиса Захаровна дослужилась.

Если предположить чисто теоретически, то по стажу своей работы на одном месте она вполне могла бы со временем претендовать на место заведующего, но это никогда не только не входило в ее планы, но даже не являлось объектом ее мечтаний.

– Я свое место знаю, – скромно, но с достоинством, схожим на гордыню, любила повторять она. А работу она свою знала досконально и делала ее не только хорошо, но и с удовольствием, находя в рядах бесконечных цифр высокую поэзию.

И вне работы ее жизнь тоже была достаточно насыщена и наполнена.

Отработав со вкусом свои положенные восемь часов, она не спеша шла домой, получая почти физическое удовольствие от лицезрения одних и тех же картинок будничной жизни, встречающихся по пути ее следования: дом – работа, работа – дом, поскольку видела в их повторении основу мироздания, неизменность жизни и залог стабильности ее собственного существования.

В объекты ее ежедневного маршрута входили: аптека с небольшой стеклянной витриной, где выставлялись для привлечения внимания прохожих разные баночки-скляночки (Раиса Захаровна своим цепким взглядом всегда замечала, что новенького появлялось в ассортименте аптеки), детский сад «Буратино» с окрашенным в желтый цвет забором, через который было видно, как на площадке играют дети (Раиса Захаровна не только всех их знала в лицо, но и знала, кто из родителей за кем приходит), и, наконец, молочный магазин, где она всегда что-нибудь покупала по дороге домой: сладкий сырок, кусочек масла или обязательный пакетик кефира перед сном. Все это – по улице Кирова, которая со временем станет опять Базарной. За углом, по улице Пушкинской, – парикмахерская, где Раиса Захаровна стриглась раз в месяц, а иногда даже делала прическу, если того требовали обстоятельства, а за парикмахерской – большие железные ворота, ведущие в неболь-

шой типично одесский внутренний дворик с деревянной галереей и будкой сапожника в глубине. Перед воротами с пяти часов вечера занимала свой пост чудаковатая дама, проживающая в этом доме на первом этаже. Она продавала семечки и для этой торговой операции притаскивала из дома две скамеечки: на одной сидела она сама, другую ставила перед собой, раскладывая на ней свой товар в полотняном мешочке и два граненых стаканчика. Тот, что поменьше, был распространенной в то время тарой населения для принятия на грудь пятидесяти граммов «для аппетита». Пройдет время – и мода на такие стаканчики вернется, и нувориши на своих роскошных дачах с удовольствием будут разливать в эти стаканчики самую дорогую водку, считая это высшим шиком.

Есть категория женщин, к которым иначе чем «дама» и обратиться нельзя. Такой была и эта торговка семечками. К своему выходу на улицу она готовилась, как актриса, выходящая на сцену: при полном гриме и в каких-то несовременных вычурных платьях с большой претензией.

– Может, она действительно бывшая актриса, – думала каждый раз Раиса Захаровна, с любопытством ожидая встречи с «дамой»: во что сегодня та будет одета?

Когда однажды торговка семечками вышла на работу в шляпке с вуалью и уселась на свой табурет, как королева садится на трон, Раиса Захаровна так на нее засмотрелась, что, поскользнувшись от изумления, чуть было не упала и не разбилась вдребезги.

Добравшись, наконец, до своего дома, Раиса Захаровна, надев тапочки, по длинному унылому коридору шла на коммунальную кухню, где готовила свой обед, всегда одинаковый. В закипевшую кастрюльку она бросала пакетик супа быстрого приготовления и, взяв из холодильника кусочек колбасы, семенила назад по коридору в свою комнату. Усевшись под телевизором, она под последние новости не спеша доедала свой нехитрый обед и шла на прогулку, которую совмещала с посещением гастронома в конце улицы Пушкинской напротив вокзала.

Иногда в день зарплаты, или же чтобы отметить день рождения тети или мамы, а иногда и просто под настроение Раиса Захаровна устраивала себе праздник и заходила в пиццерию на углу Пушкинской и Кирова, где она баловала себя бокальчиком пива и жареной

картошкой, которую почему-то называли «фри». Особенно она любила посещать пиццерию в теплое время года, когда столики выносились на улицу, и она могла наблюдать не только за посетителями этого заведения, но и за прохожими. Тогда улица и кафе превращались в мизансцену, где разыгрывались маленькие человеческие комедии.

Наблюдая за людьми, попадающими в ее поле зрения, она старалась по их внешнему виду определить, о чем они думают и чем озабочены. Эти случайные люди, к которым она проявляла такой живой интерес, заполняли ее жизнь новыми впечатлениями и восполняли скудость ее собственных переживаний и отсутствие внешних событий.

Вернувшись домой, Раиса Захаровна какое-то время занималась хозяйственными делами, а затем усаживалась под телевизор с газетой в руках. Убаюканная очередным сериалом и чувствуя, что засыпает, она ложилась спать и обязательно говорила «спокойной ночи» маме и тете. Те ласково улыбались ей с пожелтевших от времени овальных фотографий на комод, и она отчетливо слышала обращенный к ней из прошлого голос тети: «Эх ты, мой стойкий оловянный солдатик...».

Тетя у Раисы Захаровны была незаурядной женщиной. Во времена ее молодости она считалась самым лучшим в Одессе специалистом по бесплодию, и многие женщины месяцами обивали порог ее кабинета, чтобы попасть к ней на прием, а некоторые даже прорывались к ней домой и долго простаивали на лестничной клетке, безнадежно пропахшей кошачьими испражнениями, в ожидании ее прихода.

Своих детей у тети не было. Она рано похоронила мужа и жила в двухкомнатной коммунальной квартире со своей сестрой и племянницей: Раиса Захаровна с матерью в проходной комнате, а тетя – в отдельной.

Тетя прожила долгую жизнь и умерла в возрасте девяноста двух лет в здравом уме и трезвой памяти. По складу своего характера она была командиршей, и Раиса Захаровна с матерью никогда ей ни в чем не перечили, снисходительно позволяя командовать собой и их домом.

Со времени смерти тети и мамы прошло много лет, но Раиса Захаровна ничего не меняла в их квартире. Перебравшись в те-

тину комнату, она оставила на своих местах всю мебель, которую можно было использовать как наглядное пособие по интерьеру послевоенных лет: кровать, у которой вместо ножек были подставлены ящики, колченогий стол, за которым когда-то собиралась вся семья, и у которого вместо столешницы использовался овал, вырезанный из фанеры, старое кресло с отдышкой, покрытое белым полотняным чехлом, который, по заведенной давным-давно традиции, подвергался обязательному подкрахмаливанию, и много других предметов, давно переживших свое время, но таких близких сердцу их последней хозяйки.

В последний вечер перед юбилеем Раиса Захаровна так волновалась, что не только шла домой, не оглядываясь, как обычно, по сторонам, но даже забыла зайти в молочный магазин.

Проходя мимо дома с железными воротами, она заметила, что вместо дамы с семечками у ворот стоит «скорая помощь», и дурное предчувствие неприятно коснулось ее сердца. Вернувшись домой раньше обычного, Раиса Захаровна сразу же устремилась к огромному трехстворчатому шкафу, который занимал вторую половину комнаты, оставшуюся после кровати на ящиках.

Неохотно распахнувшись, дверцы шкафа выпустили на свободу спрятавшийся там запах старой одежды, приправленный нафталином и едва уловимым ароматом старых духов. Шкаф был битком набит разнообразной одеждой, но это была одежда не Раисы Захаровны. То были платья, костюмы и пальто мамы и тети, в основном, конечно, тети, та была большая модница и всегда одевалась дорого и со вкусом. Сестры отличались богатырской статью, и их одежда никак не могла подойти тщедушной Раисе Захаровне, но у той никогда не поднималась рука ни отдать их соседям, ни тем более выбросить.

Когда она открывала шкаф и видела знакомые силуэты на плечиках, у нее появлялось ощущение присутствия родных ей людей, и это доставляло ей почти физическое удовольствие. Она даже иногда открывала шкаф просто так, без надобности, чтобы только вдохнуть родной запах и погладить рукой спрятавшееся в складках платья тепло давно остывших тел. Ее собственных платьев было всего несколько, Раиса Захаровна в вопросах одежды, как, собственно, и во всех других вопросах, была консерва-

тивна, и ее гардероб состоял исключительно из платьев, сшитых много лет назад одной и той же портнихой. Портниху ее звали Эсфирь Семеновной, и она заслуженно считалась лучшей мастерицей в Одессе. Эсфирь Семеновна была караимкой и образцово сочетала в себе основные качества караимских женщин: трудолюбие, честность и преданность. Она дружила с тетей Раисы Захаровны и выполняла ее заказы вне очереди. У тети была нестандартная фигура – по-восточному широкие бедра и достаточно тонкая талия. Совместить все это в готовом изделии могла только Эсфирь Семеновна. Орудя ножницами, как волшебной палочкой, она делала такой искусный крой, что платье сидело на тете, как вылитое. Худенькая фигурка Раисы Захаровны не требовала такой виртуозной работы, но поскольку тетя все равно всегда брала ее с собой, за компанию заказывали что-нибудь и для нее.

Взяв после преждевременной смерти брата заботы о его семье, Эсфирь Семеновна воспитывала своего племянника Сашеньку, красивого смуглого паренька со смешливыми и озорными, похожими на крупные греческие маслины, глазами. Встречая его, Раиса Захаровна ловила себя на крамольной мысли: а что если бы в свое время ей повстречался не Москвич, а вот такой веселый и открытый Сашенька, может, ей и не пришлось бы выносить такой суровый приговор Человеческой Любви?

Но вскоре Сашенька, как ни блюла его Эсфирь Семеновна, неожиданно и тайно женился, выкрад предварительно у тети свой паспорт, а спустя короткое время так же и развелся – стремительно и бесповоротно.

– Ну-у, если уж у Сашеньки не вышло... – с грустным удовлетворением констатировала Раиса Захаровна, и этот факт, укрепивший ее любовный нигилизм, рассеял у нее последние иллюзии.

Немного поколебавшись, Раиса Захаровна отобрала коричневое платье с белым кружевным воротничком, которое она считала чересчур нарядным для работы, и поэтому надевала очень редко. Правда, высокие плечики, такие модные в послевоенные годы, выглядели сегодня как анахронизм, но зато они выравняли ее начинающую сутулиться спину, делая ее значительно стройнее. Добавив к выбранному туалету новые чулки и туфли «на выход», Раиса

Захаровна осталась вполне довольна своим выбором и, вспомнив, что она еще сегодня не обедала, засобиралась в поход на кухню. И вдруг ей в голову пришла совсем неожиданная мысль: «А что, если Лев Борисович задумал ее чествовать в связи с выходом на пенсию? Уволить ее просто так неудобно, да и не за что, а в связи с такой внушительной датой вполне логично. Мол, пора, голубушка, и честь знать, так долго не живут, а уж что не работают – так это точно...».

Раису Захаровну как жаром обдало. И как такая простая мысль не пришла ей в голову раньше?

– Это что же получается? – возмутилась она. – Ее, как ненужную залежавшуюся вещь, выбросят на улицу? За что, спрашивается? Она что, не справляется с работой или часто болеет? Ну и что, что ей уже восемьдесят? Ей еще только восемьдесят! Она раньше всех приходит на работу и уходит почти всегда последняя! Она ни разу не сделала ни одной ошибки в документах, ее расчеты безупречны, а ее годы – не недостаток, а достоинство, потому что за ними – бесценный накопленный опыт! И никто, никто не сравнится с ней в профессионализме, потому что его не выучишь, как зачет по бухучету, он приходит именно с годами, оттачивается временем, и никто не только в их сберкассе, но и во всех других сберкассах вместе взятых не сможет с ней сравниться в этом!

Раисе Захаровне казалось, что еще немного – и она задохнется от душившей ее обиды, лоб покрылся испариной, а в горле совсем пересохло, и она решила пойти на кухню за водой. Только сейчас она обратила внимание на то, что до сих пор не переоделась в тапочки, но как только она наклонилась, голова у нее закружилась еще больше и она, как была, в туфлях, засеменила на кухню. У нее было пять соседей и, следовательно, пять дверей. Раиса Захаровна благополучно прошла три, а возле двери Нины Федоровны вдруг покачнулась и, успев с силой толкнуть дверь соседки, навзничь упала на пол. Что происходило с ней потом, Раиса Захаровна помнила смутно. Перед ней мелькали чьи-то встревоженные лица, какие-то расплывчатые фигуры в белых халатах, кто-то заглядывал ей в лицо, кто-то щупал пульс. Она хотела сказать, что ей не так уж плохо, как им кажется, но не могла.

– Теперь уж юбилей точно не будет, – с облегчением подумала она перед тем, как окончательно потерять ощущение реальности окру-

жающего ее мира. Когда она пришла в себя, то с удовлетворением обнаружила, что находится не в больнице, а у себя дома, и привычно засобиравшись на работу. Однако она заметила, что пережитое накануне потрясение все же не прошло бесследно, у нее сильно упало зрение, и теперь она все видела как в тумане, будто смотрела на мир через призму стекла, по которому стекают капли дождя. «Не иначе как катаракта, – недовольно подумала она. – Достала все-таки, зараза». Когда она вышла на улицу, ее ожидали другие неприятные сюрпризы. Молочный магазин вдруг исчез и, обнаружив этот непонятный факт, Раиса Захаровна в изумлении остановилась.

– Куда же он мог подеваться? – совершенно сбита с толку, озадаченно спросила она саму себя и, прищурившись, стала пристально вглядываться в то место, где раньше находился злополучный магазин. И вдруг – о чудо! – он вновь появился, и ровно на том самом месте, где ему и положено было быть! «Нет, это не катаракта, – покачала она головой. – Это глаукома или даже что-то еще серьезнее. Надо непременно пойти на Ольгиевскую, врач ведь говорил: надо каждый месяц проверяться, а я уже несколько лет как не была. Вот и результат», – ворчала она про себя, продолжая свой путь, и, обнаружив отсутствие детского сада, уже не испугалась, а только опять прищурилась – и сад тут как тут, сразу и появился.

– Чудеса, – покачала головой Раиса Захаровна. – Ну, ничего, к этому можно приспособиться, и не такое приходилось переживать, – успокоила она себя и – топ-топ, шлеп-шлеп – пошлагала себе дальше к своей сберкассе.

3

Олечка и Зочка сидели в кафе и по очереди время от времени горестно вздыхали.

– Зочка, – говорила Зочке Олечка. – Не поверишь, но я уже три ночи практически не сплю.

– Это плохо, – с осуждением покачала головой Зочка. – Бессонница истощает нервную систему. У меня тоже когда-то такое было – и знаешь, что мне помогло? Французское снотворное, не помню только сейчас, как оно точно называется, позвони мне обязательно сегодня вечером, я посмотрю его название.

Олечка послушно кивнула и опять вздохнула.

– Бессонница – это что, у кого ее нет? У меня вот проблема значительно серьезнее, – пожаловалась, в свою очередь, подруге Зочка. – Кровь, понимаешь ли, практически не течет, – важно поделилась она.

– Так не бывает, – недоверчиво взглянула на подругу Олечка.

– Бывает, – многозначительно кивнула Зочка.

– Очень редко, но бывает. У меня ведь кровь такая густая, что просто ужас. На днях сдавала анализы, так меня всю искололи, а кровь так и не взяли. Представляешь?

– Принимай аспирин, – посоветовала Олечка. – У меня вот вроде все нормально, а я все равно принимаю.

– Думаешь, я не знаю? – возмутилась Зочка. – Мне не помогает. Посмотри на мою ногу, – и она приподняла подол платья, обнажив опухшую, в синих жилах ногу. – Самый настоящий тромбофлебит. А если тромб попадет в голову? Инсульт! А если, не дай бог, в сердце? Инфаркт! А у меня уже был один инфаркт, помнишь? Я еще тогда в сберкассе у тебя работала, лет десять назад.

– Как не помнить, – печально кивнула головой Олечка. – Как ты уволилась, на твое место я долго никого не могла найти. Все как сговорились: «Нечисто там», – твердят, – и все. Прямо хоть сберкассе закрывай.

– Ну, а сейчас? – с жадным любопытством спросила Зочка. – Ходит? – прошептала она.

– Ходит, – вздохнула Олечка. – Куда он денется? Только никто его уже не боится – привыкли. Он же безобидный. Бумагами пошуршит, половицами поскрипит – и все дела.

– Ну, не скажи. Это же черт знает что: призрак в сберкассе! – возмутилась Зочка. – У нас же не английский замок, бред какой-то! Священника надо было позвать, службу отслужить. Он и отстанет.

– Да вызывали, – махнула Олечка. – Ничего не помогло. Не берет его ладан, – вздохнула она.

– А ты еще удивляешься, что у тебя бессонница! – возмутилась Зочка. – Да как ей не быть, при таких-то ужасах! Просто кровь в жилах стынет. Увольняться тебе надо, вот что я тебе скажу, – категорично заявила она. – Сколько можно? Не девочка уже. Сколько это ты уже как на пенсию вышла?

– Да пять лет всего, а работать, сил уже нет, – пожаловалась подруге Олечка. – Но в управлении просят: останьтесь и останьтесь. Работать некому. Одно только название – заведующая. А зарплата нищенская. Кто из молодых пойдет? Это у нас Лев Борисович королем был, а сейчас на это место днем с огнем не сыщешь.

– Да-а, – протянула Зюечка. – Хорошие были времена. Простыми кассирами работали, а жили хорошо и ни в чем не нуждались. Лев Борисович нам еще путевки пробивал. Помнишь? И в Москву несколько раз ездили, и в Карпаты.

– Как не помнить, – мечтательно улыбалась Олечка. – Там я со своим Костиком познакомилась. Часами на морозе целовались – и ничего, хоть бы насморк какой подхватила. А сейчас чуть подует – и уже готова, месяц на лекарствах сижу.

– Да-а, – вторила ей Зюечка, – вот я и говорю. Классный был мужик наш Лев Борисович, царствие ему небесное.

– А Раису Захаровну помнишь? Ох, как она нас в ежовых рукавицах-то держала! Строгая была, но справедливая. Хорошая тетка, ничего не скажешь. Помнишь, Лев Борисович ей сюрприз на юбилей готовил, орден для нее два года выбивал, а она возьми да преставься. Жалко, не дожила старушка, а то порадовалась бы, царствие ей небесное. Сейчас даже представить себе не могу: как это она на своих каблучках туда-сюда бегала, в свой-то восьмидесятник!

– А я уже давно каблучки не ношу, – печально заметила Олечка, поднимаясь. – Ладно, Зюечка, пора мне. Передавай привет своему Толику, загляните как-нибудь к нам на огонек. Посидим, молодость вспомним.

– Если дети отпустят, – вздохнула Зюечка. – Работают без выходных с утра до вечера, ну, а внуки с нами вечера коротают. Жить-то надо. Я тебе сегодня вечером перезвоню насчет снотворного-то. Склероз замучил, ничего уже в голове не держится.

Поддерживая друг друга, Олечка и Зюечка, тяжело переступая негнущимися ногами, вышли из кафе. Стайка молоденьких девушек, сидящих за соседним столиком, прыснули им вслед.

– Вот дуры, – обернувшись, бросила им через плечо Зюечка.

Погода стояла великолепная: как раз такая, какую любила Раиса Захаровна в осеннее-летнее межсезонье в сентябре: свежее бодрящее утро и солнечный день, еще хранящий тепло лета, но без изнуряющей и надоевшей жары. Собственно, такая погода была теперь всегда. Направляясь на работу, Раиса Захаровна бросала взгляды по сторонам, создавая привычный для нее мир: детский сад «Буратино» с желтым забором и играющими за ним детьми, аптеку со стеклянной витриной, железные ворота с сидящей перед ними дамой с семечками, молочный магазин...

Правда, дети уже за который десяток лет не подросли ни на сантиметр, за стеклянной витриной появлялись только знакомые Раисе Захаровне медикаменты, а дама с семечками уже не снимала шляпку с вуалью, которая так когда-то поразила ее воображение...

Ах, если бы кто-то мог сказать ей:

– Раиса Захаровна, ты умерла! И тебе не нужно теперь каждый день ходить на работу. Поднимайся выше над своими буднями, создай себе другой мир, недоступный для тебя в той, земной жизни, – красивый, радостный, где ты будешь любить, и где будут любить тебя, где не будет ни глаукомы с катарактой, ни запаха нафталина, ни унылого, бесконечного, как зубная боль, коридора с туалетом на пять соседей. Но некому этого сказать. Своими мыслями, поступками и даже неосуществленными намерениями человек на земле творит свой собственный будущий ад или рай, а когда уходит в бесконечность, то получает там именно то, что заслужил. И мы попадаем именно в тот мир, который построили на земле. Мы даже не замечаем, что умерли...

И в этом высшая справедливость Создателя.

А Раиса Захаровна – топ-топ, шлеп-шлеп – доходит до угла Пушкинской, поднимается вверх по Базарной, бывшей Кирова, и останавливается возле сберкассы № 53. Начинается новый рабочий день.

